

Международная Объединенная Академия Наук

Научные тенденции: Юриспруденция

Сборник научных трудов

**по материалам
XX международной научной конференции**

20 декабря 2019 г.

Санкт-Петербург 2019

УДК 001.1
ББК 60

Н34

Научный диалог: Юриспруденция. Сборник научных трудов по материалам XX международной научно-практической конференции 20 декабря 2019 г. Изд. ЦНК МОАИ, 2019. – 24 с.

SPLN 001-000001-0560-JP
DOI 10.18411/spc-20-12-2019
IDSP sciencepublic-20-12-2019

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на XX международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Юриспруденция**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МОАИ. Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0560-JP

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

Мальцева Т.В., Коноплянникова Т.В. Особенности страхования коммерческих рисков	4
Милованов Н.М. К вопросу об истории развития института безопасности участников уголовного судопроизводства.....	6
Назин Д.В., Маслов А.В. Некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики воспрепятствования оказанию медицинской помощи	10
Новиков В.А. Проблемы применения методик определения максимального значения цены контракта	14
Уханов А.Д. Динамическое измерение правовой ментальности: механизмы трансляции и изменения.....	16
Rustambekov I. Opportunities for investment in free economic zones of the republic of Uzbekistan.....	18

Мальцева Т.В., Конопляникова Т.В.
Особенности страхования коммерческих рисков

*Оренбургский государственный университет
(Россия, Оренбург)*

doi:10.18411/spc-20-12-2019-01

idsp: sciencepublic-20-12-2019-01

Страхование как система защиты имущества интересов граждан, организаций и государства играет важную роль в решении социально-экономических задач Российской Федерации. Данная функция страхования реализуется в результате возмещения имущественных потерь и ущерба, вызванных различными факторами и негативными воздействиями на имущество физических и юридических лиц.

Страховая деятельность не только освобождает бюджет от расходов на возмещение убытков при наступлении страховых случаев, но и является одним из наиболее стабильных источников долгосрочных инвестиций.

Одним из видов договоров имущественного страхования является договор страхования предпринимательского риска. Данный вид страхования осуществляется на добровольной основе. Страхование коммерческих рисков регулируется статьей 933 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 22 частью 1 статьи 32.9 Закона Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [1].

Статья 933 Гражданского кодекса РФ раскрывает понятие коммерческого риска, следовательно, под предпринимательским риском понимается риск возникновения в предпринимательской деятельности обстоятельств, которые способны повлиять на размер ожидаемой прибыли [1].

Однако, страхование коммерческих рисков можно рассматривать в двух аспектах – юридическом и экономическом. С правовой стороны страхование предпринимательских рисков представляет собой юридическую связь между страховщиком и конкретным страхователем, которая характеризуется наличием у них субъективных прав и обязанностей [4, С.275]. Также, страхование предпринимательских рисков может выступать в виде механизма защиты предпринимателя от неблагоприятных событий и их последствий, о чем нам говорит ст. 933 ГК РФ. На данный момент в юридической литературе многие ученые не сошлись в единой точке зрения о понятии и признаках коммерческих рисков, как гражданско-правового явления.

Изучая статью 4 Закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации», можно понять, что объектом страхования, естественно, являются имущественные интересы юридических лиц, категория которых является весьма неоднозначной. Следовательно, для предпринимателя важно точно знать содержание договора страхования, а также все его преимущества и недостатки [2].

Для того чтобы застраховать коммерческую деятельность от нежелательных рисков, необходимо учитывать следующие признаки. В первую очередь, страхователем должно выступать лицо или организация, которая занимается предпринимательской деятельностью. Важно учитывать, чтобы договор считался действительным и исключал различного рода нюансы, необходимо застраховать предпринимательский риск только самого страхователя, об этом нам говорит часть 1 статьи 933 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Следующим важным признаком будет являться страхование одного из рисков предпринимательской деятельности, а именно, риск убытков от данного рода деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя, а также изменения условий, которые будут неподвластны предпринимателю, например, риск неполучения ожидаемого дохода (п. 3 ч. 2 ст. 929 ГК РФ). И важным признаком

является заключение действительного договора в пользу страхователя, если он будет заключен лицом, который не является страхователем. Однако, страховым случаем будут считаться негативные последствия ведения предпринимательской деятельности в виде разницы между ожидаемой и фактически полученной в меньшем размере прибылью [6, С.43-46]. Главным в положении данного договора имущественного интереса является понятие и содержание предпринимательской деятельности, которая осуществляется только на страх и риск предпринимателя.

Данный вид страхования не является совершенным и имеет ряд проблем. В данный момент в теории имеются различные подходы к классификации рисков, но нет единой. Коммерческие риски имеют свою классификацию по различным признакам. Одним из наиболее главных является деление на систематические и несистематические риски.

Наиболее часто, в настоящее время, встречается неисполнение договорных обязательств партнерами застрахованного лица и банкротство, что естественно отрицательно влияет на коммерческую деятельность.

Для того, чтобы избежать данные ситуации необходимо структурировать страхование рисков путем достижения наибольшей эффективности в будущем. Важной проблемой оценки коммерческих рисков является соотношение стоимости страховой защиты и результата от страхования [8, С.126-131].

На российском страховом рынке страхование предпринимательских рисков осуществляется в небольших масштабах. Компании, которые получают лицензию на данный вид страхования, осуществляют ее с осторожностью. Множество компаний в России не имеют достаточного количества средств по собственному удержанию рисков и поэтому, они вынуждены перестраховывать их в зарубежных страховых компаниях [5, С.30].

Роль страховщика может принадлежать как иностранным юридическим лицам, так и гражданам. Однако, в первоначальной редакции Закона «О страховании» для них были установлены ограничения. На территории Российской Федерации страховщики были вправе заключать договоры с иностранными страховыми брокерами для заключения договоров перестрахования с иностранными страховыми организациями (п. 4 ст. 8 Закона «О страховании») [3]. На данный момент законом установлено, что деятельность иностранных страховых брокеров на территории Российской Федерации не допускается, за исключением осуществления посреднической деятельности в качестве страхового брокера по перестрахованию и случае, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации (п.7 ст.8 Закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации»). В дополнение, закон, а именно п. 6 ст. 8 Закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации», дает четкое понятие страховым брокера. Тем самым, страховыми брокерами будут являться юридические лица или постоянно проживающие на территории Российской Федерации и зарегистрированные в установленном законодательством Российской Федерации порядке в качестве индивидуальных предпринимателей физические лица, которые осуществляют деятельность на основании договора об оказании услуг страхового брокера по совершению юридических и иных действий. Следовательно, законодатель сразу обращает внимание на то, кто может являться страховым брокером, а именно лицо имеющее гражданство Российской Федерации [2].

Для того, чтобы повысить капитализацию и емкость национальной страховой отрасли за счет привлечения средств иностранных инвесторов, необходимо сбалансировать и сделать национальный рынок открытым для прямой конкуренции со стороны иностранных страховщиков. Помимо этого, нужно провести страхование предпринимательских рисков в России путем заимствования опыта западных стран для ее совершенствования и при разработке унифицированных правил страхования. Например, в некоторых зарубежных странах существуют единые Кодексы для

предпринимателей, а если в сделке участвуют гражданин и предприниматель, то к гражданину применяется Гражданский кодекс, а к предпринимателю применяется Торговый кодекс [7, С.9-11].

Благодаря данной системе страхования в зарубежных странах риски минимизированы, но, к сожалению, в России не отработана на практике система страхования коммерческой деятельности, неэффективность которой препятствует развитию сферы предпринимательства.

Таким образом, именно риск выступает основополагающей категорией в страховых отношениях, он является причиной необходимости в страховании, защита от него является основной целью страхования. Возникновение риска у лица подразумевает появление рискованной ситуации. Рассмотрение его в договоре страхования в качестве рискованной ситуации позволяет изучать риск в качестве многогранного понятия, включающего в себя не только собственно возможное опасное событие, но и обязательно его последствия, находящиеся в прямой причинно-следственной связи с этим событием.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 (ГК РФ ч.2) (ред. от 23.05.2016г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст.410; 2016. № 22. Ст.3094.
2. Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 3.07.2016) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56; СЗ РФ. 2016, № 27 (Ч. II). Ст. 4294.
3. Постановление Верховного Совета РФ от 27 ноября 1992 г. «О введении в действие Закона РФ «О страховании» / Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. - № 2. - Ст. 57.
4. Агеев Ш. Р., Васильев Н. М., Катырин С. Н. Страхование: теория, практика и зарубежный опыт. М., 1998. - 275 с.
5. Антонова Н. А. Гражданско-правовые проблемы страхования предпринимательского риска: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Ростов, 2003. — С. 30.
6. Бельх В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография// Право и экономика — 2005. С. 43–46.
7. Мурунова А. В. Признаки предпринимателя в российском и западном менталитете// Бизнес и право в России и за рубежом — 2013. № 3. — С. 9–11.
8. Пospelов Р. Р. Страхование неущественного имущества или специфика договора страхования предпринимательского риска// Право и экономика — 2016. № 3. С. 126–131.

Милованов Н.М.

К вопросу об истории развития института безопасности участников уголовного судопроизводства

*МГЮУ им.О.Е.Кутафина (МГЮА)
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-20-12-2019-02

idsp: sciencepublic-20-12-2019-02

Аннотация

В данной статье автором затрагивается проблема становления и развития института безопасности участников уголовного судопроизводства в российском законодательстве, являющегося важной гарантией защиты прав потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Данный институт, зародившийся еще во времена Русской правды, первоначально находил закрепление лишь в нормах уголовного законодательства и не получал должного развития вплоть до конца 20 века. Помимо отечественного, автор анализирует и зарубежную практику применения норм данного института, ставшую основой для дальнейшего и продолжающегося развития института безопасности в РФ на современном этапе.

Автором делается вывод о своеобразной двойственности эволюции данного института в настоящее время, реализующегося как посредством процессуальных, так и внепроцессуальных мер.

Ключевые слова: Безопасность участников уголовного судопроизводства, опыт зарубежных стран, уголовное законодательство, уголовный процесс, ретроспективный анализ

В настоящее время в науке уголовного процесса в связи с негативной динамикой роста преступности в отношении участников уголовного судопроизводства ведется активная полемика относительно путей дальнейшего развития института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Прирост подобного рода латентных преступлений против жертв и свидетелей подрывает авторитет системы правосудия, приводит к отсутствию веры граждан в результативность государственной защиты и в целом актуализирует вопрос о необходимости совершенствования данного института.

Но модернизация данного правового института представляется невозможной без учета исторических особенностей его развития в России и в мире в целом, анализа процесса эволюции института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Данная проблематика акцентирует практическую значимость работы.

Истоки современного института безопасности участников уголовного судопроизводства берут свое начало в глубокой древности. По мнению некоторых ученых, древнейшим источником, впервые косвенно урегулировавшим вопросы, касающиеся безопасности участников уголовного судопроизводства, можно считать Хеттские законы, которые дошли до нас в одной древнехеттской копии времен конца XVI - начала XV вв. до н.э. и в нескольких более поздних копиях. Несмотря на противоречивость в переводе и во многом в понимании текстов этих народов, по мнению А.В.Лукинского, уже там прослеживается внимание законодателя к определенным категориям лиц, участвующих в отправлении правосудия, что, в свою очередь, позволяет говорить о зарождении неких норм, направленных на реализацию задач государства по обеспечению справедливого правосудия: «Если люди взяты для суда и кто-нибудь приходит к ним как заступник, и если их противники по суду приходят в ярость, и помощника кто-нибудь из противников ударит, и он умрет, то возмещения нет».

Первым актом, заложившим основы развития данного института в Древней Руси, принято считать Краткую редакцию Русской Правды XI века, в ст.33 предусматривающую исключительное право князя вершить суд в отношении своих слуг и дружинников.

Схожие нормы о воспрепятствовании правосудию, лжесвидетельстве и лжеприсяге содержатся соответственно в Новгородской судной грамоте и Судебниках 1497 и 1550 гг.

Весьма специфичным явилось закрепление в тексте Соборного уложения 1649 г. норм, предусматривающих ответственность за оскорбление духовных лиц, участвующих в правосудии и мирян духовными лицами на суде (ст.ст.28, 83, 84). Кроме того, данный исторический памятник регламентировал ответственность за драку и убийство на суде (ст.ст.105-107), причем ответственность предусматривалась и за угрозу совершения таких действий.

О значительной эволюции данного института на протяжении двух последующих столетий свидетельствует Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, расширившее круг субъектов подлежащих охране: теперь это не только лица,

осуществляющие правосудие, но и другие субъекты, например, потерпевшие, свидетели, а также подследственные. В этой связи весьма интересно звучит высказывание М.М.Курбанова: «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года регламентировало сбалансированный уголовно-правовой механизм охраны субъектов уголовного процесса, выступающий важной гарантией осуществления правосудия в тот исторический период».

В дальнейшем в Уголовном Уложении 1903 года, а также весь социалистический период (Декрет СНК РСФСР от 24.11.1921 г., УК РСФСР 1960 г.) вплоть до 80-90 гг. XX века изменения в институте защиты участников уголовного судопроизводства в целом обуславливались изменениями законодательства о преступлениях против правосудия.

Ответственность за подобного рода преступления регламентированы и в действующем УК РФ (гл.31) с несколько расширенными возможностями охраны участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, анализ вышеперечисленных правовых актов позволяет нам сделать вывод о том, что регламентация института безопасности участников уголовного судопроизводства со времен Русской Правды XI века вплоть до 80-90-ых гг. XX века производилась в основном с помощью норм уголовного законодательства.

Серьезные изменения на институт безопасности участников уголовного судопроизводства оказало развитие института государственной защиты, впервые ставшего предметом особого внимания в 70-ых гг. XX века в США, который рассматривался как узаконенная процедура борьбы с мафиозными группировками. Первым прецедентом применения данного института явилась государственная защита Джозефа Валаки, в 1963 году давшего в комиссии Конгресса США показания о внутренней структуре мафии и организованных преступных сообществ и тем самым нарушившего долгое время существовавший принцип «омерты». Данный принцип под страхом смерти запрещал разного рода сотрудничество с полицией.

В целях безопасности Дж. Валаки был помещен в тюрьму и содержался там до конца своих дней, контактируя лишь с агентами Федерального бюро расследований и служащими Федерального бюро тюрем. Данный случай стал первой процедурой защиты свидетеля в США, заложившим основы будущих официальных программ государственной защиты свидетелей.

Подобные факты, а также активная деятельность организованной преступности, по мнению некоторых ученых, стали причиной становления и развития в 80-90-ых гг. XX века законодательства, обеспечивающего безопасность участников уголовного процесса в России.

Следует отметить, что нормативная основа будущего правового института безопасности участников уголовного судопроизводства была заложена еще в советский период путем принятия в 12.06.1990 г. Закона «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Данный закон содержал коррелирующую с нынешней ч.3 ст.11 УПК РФ норму, являющуюся принципом государственной защиты участников процесса и закрепляющую обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда принимать меры к обеспечению безопасности участников процесса и иных лиц, заключающиеся в охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества лиц, безопасность которых обеспечивается, а также к установлению виновных и привлечению их к ответственности при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или другим участвующим в деле лицам, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными действиями (ст. 27.1).

Данный принцип наравне с закрепленными в данном правовом акте возможностями при определенных условиях прослушивания телефонных переговоров (ст.35.1) и проведения закрытого судебного разбирательства (ст.12) не получил применения, поскольку не было создано четкого правового механизма реализации данных норм на практике.

Тем не менее, вышеуказанный принцип применительно к деятельности органов внутренних дел нашел отражение в п.24 ст.10 Закона «О милиции» от 1991 г., закрепляющей обязанность сотрудников органов внутренних дел принимать меры по охране потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса, а также членов их семей и близких, если здоровье, жизнь или имущество данных лиц находятся в опасности.

Как было указано выше, данные положения наравне с другими мерами уголовно-процессуального характера, направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, нашли отражение в действующем УПК РФ от 18.12.2001 г. (ч.3 ст.11, ч.9 ст.166, ст.186 и др.). Именно с этого момента, по замечанию А.В.Лебедева, «следует говорить о создании в России специального института государственной защиты».

Ввиду сложившейся социально-экономической обстановки, в частности, нарастающего влияния преступного мира на органы правосудия, 20.04.1995 г. был принят Федеральный Закон №45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», заложивший в РФ основы для создания института государственной защиты.

Своеобразным апогеем развития данного института стало принятие в 2004 году Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» №119-ФЗ, давшего понятие государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, перечислившего основные меры безопасности и меры социальной поддержки указанных лиц, а также основания их применения. В целях реализации данного Федерального закона Правительство РФ принимает программы «Об обеспечении безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Также во исполнение данных федеральных законов принят целый ряд подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих отдельные аспекты обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, использование которых возможно как до возникновения уголовно-процессуальных правоотношений, так и после.

Указанные факты позволяют ученым-юристам называть подобные меры внепроцессуальными, а также делать вывод о своеобразной двойственности процесса применения защиты участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, следует отметить, что истоки института безопасности участников уголовного судопроизводства проистекают из древнейших времен и изначально со времен Русской правды XI века вплоть до 80 – 90-х гг. XX века данный институт в основном регулировался посредством норм уголовного законодательства. Судные грамоты и судебники 1497 и 1550 гг., тексты Соборных уложений 1649 года, Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Уголовное Уложение 1903 года, а также правовые акты социалистического периода (Декрет СНК РСФСР от 24.11.1921 г., УК РСФСР 1960 г.) являются важными вехами на пути становления данного института. Зародившись в глубокой древности, он имеет долгий путь развития и не имеет длительной правоприменительной практики.

Лишь с 80-90-ых гг. XX века в связи с развитием института государственной защиты в США, а также сложившейся в стране социально-экономической обстановкой

началось формирование нормативной основы будущего правового института, своеобразным апогеем которой явилось включение в УПК РФ ряда норм, регламентирующих данный институт, а также принятие Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» №119-ФЗ, устранившего существенные пробелы правового регулирования.

Несмотря на вышеуказанные факты, на сегодняшний день данный правовой институт находится в фазе активного развития и совершенствования.

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФЗ, от 30.12.2008 N 7-ФЗ, от 05.02.2014 N 2-ФЗ, от 21.07.2014 N 11-ФЗ) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2019)
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2019)
3. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2019)
4. Федеральный закон "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" от 20.08.2004 N 119-ФЗ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2019)
5. Федеральный закон "О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов" от 20.04.1995 N 45-ФЗ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2019)
6. Голоднюк М.Н. История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия // Уголовное право. - № 2. - С. 14-16
7. Зарипов Ф.Ф. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса как самостоятельный принцип уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. 2016. С.92-94
8. Коршунов А.В., Степанова В.Г. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: учеб. – практич. пособие. - Иркутск, 2017. – 72 С.
9. Курбанов М.М. Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. - Махачкала, 2001. – 259 С.
10. Лебедев А.В. На пути укрепления доверия общества // Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». - 2013. - № 6. – С. 2.
11. Лукинский А.В. Становление и развитие института государственной защиты: автореф. дис...канд.юрид.наук. – М.: 2013.- 27 С.
12. Маньков А.Г. Российское законодательство X-XX веков. Т. 3: Акты Земских соборов. – М., 1985. – 512 С.
13. Скрипилев Г. А. Применение, изменение и отмена мер безопасности участников российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2013. – 31 С
14. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – М., 1988. – 432 С.
15. Янин В.Л. Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Под ред. О.И. Чистякова. - М., 1984. – 432 С.

Назин Д.В., Маслов А.В.

Некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики воспрепятствования оказанию медицинской помощи

*Центральный филиал Российского государственного университета правосудия
(Россия, Воронеж)*

doi:10.18411/spc-20-12-2019-03

idsp: sciencepublic-20-12-2019-03

Аннотация

В статье дается уголовно-правовая характеристика воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Обосновывается необходимость установления

уголовной ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи. Раскрываются понятия воспрепятствование, медицинская помощь, медицинский работник.

Ключевые слова: преступление, медицинская помощь, медицинский работник, воспрепятствование, уголовная ответственность, наказание.

Abstract

The article provides a criminal law characterization of inflammation in the provision of medical care. The necessity of criminal liability for the provision of medical care is substantiated. The concepts of obstruction, medical care, medical worker are revealed.

Keywords: crime, medical care, medical worker, obstruction, criminal liability, punishment.

В последнее время в нашей стране участились случаи оскорбления и нападения на медицинских работников, как самими пациентами, так и их родственниками. При этом преступники не несут ответственности соразмерной их деяниям, которые имеют повышенную общественную опасность [6, С. 112].

Например, в г. Орехово-Зуево за избиение лаборанта-рентгенолога, которое повлекло причинение вреда здоровью средней тяжести, ранее неоднократно судимый гражданин был осужден всего на 2 года ограничения свободы. Иск потерпевшего о компенсации морального вреда суд удовлетворил лишь частично и обязал виновного выплатить 90 тысяч рублей [4].

А в Саратове трое мужчин были осуждены за покушение на изнасилование женщины-фельдшера, которая прибыла на вызов. Ей только по счастливой случайности удалось запереться в ванной комнате и вызвать полицию. Суд назначил наказание в виде лишения свободы по восемь лет каждому [10].

Не исключением стала и Воронежская область. Так, ночью 27 июня 2019 года в районной больнице г. Павловск произошло нападение на медсестру неврологического отделения. Виновным оказался 28-летний гражданин, который находился на лечении в данном медицинском учреждении. Пациент внезапно напал на 41-летнюю медсестру, повалил ее на пол и начал наносить удары по голове. В результате потерпевшая получила травмы, опасные для жизни [7].

По информации Министерства здравоохранения Российской Федерации, в 2016 году на территории нашей страны произошло 1 226 случаев травматизма при нападении на медицинских работников. Однако, это только приблизительные данные, так как регулярная собираемость статистики отсутствует и системным изучением ситуации практически никто не занимается [2].

Учитывая особый накал отношений этой сфере, заинтересованными субъектами неоднократно предпринимались попытки совершенствовать нормативную правовую базу и дополнительно защитить медицинских работников.

Так, 27 октября 2016 года Министерством здравоохранения Российской Федерации был зарегистрирован проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [9] и внесения в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» статьи 238.2 «Посягательство на медицинского работника в связи с осуществлением профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи». Данным документом предлагалось криминализировать применение насилия, либо угрозу применения насилия в отношении медицинского работника, в связи с осуществлением профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи, а также посягательство на его жизнь. То есть, фактически авторы законопроекта хотели

приравнять статус медицинского работника к статусу сотрудника правоохранительного органа, и установить ответственность по аналогии со статьей 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа». Аветисян А.А. и Сильченко Е.В. справедливо считают, данное предложение адекватным и отвечающим социальным процессам в государстве [1, С.103].

Кроме того, 02.04.2017 г. в Государственную думу депутатами И.А. Яровой и Д.А. Морозовым был внесен для рассмотрения законопроект №139439-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников». Указанным законопроектом предлагалось установить уголовную ответственность за воспрепятствование законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи путем удержания, угроз, создания препятствий по доступу к больному, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью или смерти больного [3].

Рассмотрев различные варианты, законодатель Федеральным законом от 26.07.2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации [12] статьей 124.1. «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи». Так же была установлена административная ответственность за аналогичные деяния, не повлекшие общественно-опасных последствий, предусмотренных уголовным законодательством [14].

Кроме того, две статьи Уголовного кодекса: «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» дополнены квалифицирующим признаком «в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга». Полагаем, что данные изменения могут оказать положительное превентивное воздействие в сфере охраны жизни и здоровья именно медицинских работников.

Вновь введенная статья 124.1. УК РФ предусматривает ответственность за воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи.

По конструкции это материальный состав, и для наступления уголовной ответственности требуется, что бы в результате такого воспрепятствования по неосторожности был причинен тяжкий вред здоровью пациента (часть 1) или его смерть (часть 2). Наступление последствий в виде легкого или средней тяжести вреда здоровью должны квалифицироваться по статье 6.36. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5]. Однако, во все случаях необходимо установить наличие причинно-следственной связи между деянием, состоящем в воспрепятствовании осуществлению медицинской помощи и наступлением общественно-опасных последствий в виде причинения различной степени тяжести вреда здоровью или смерти пациента.

В отличие от указанного ранее законопроекта №139439-7 законодатель отказался от описания действий, которыми можно осуществить воспрепятствование оказанию медицинской помощи. Благодаря использованию в диспозиции статьи словосочетания «...в какой бы то ни было форме ...» правоприменитель может расширительно толковать способы совершения данного преступления.

Сам же термин «воспрепятствование» используется в семи статьях действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии с

определением, данным С.И. Ожеговым, «помешать, не дать чего сделать, не допускать, сделать в чем помеху, воспротивиться, возбранить» [11].

Применительно к рассматриваемой норме под воспрепятствованием необходимо понимать совершение активных действий либо воздержание от их совершения (бездействие), направленных на создание различного рода препятствий, помех или таких условий, при которых медицинского работника либо лишают, либо существенно ограничивают его возможность оказать медицинскую помощь. Это может быть как применение насилия к медицинскому работнику, так и угроза его применения, ограничение доступа к больному, создание препятствий для использования медицинского оборудования и т.д.

Легальное определение понятий «медицинский работник» и «медицинская помощь» дано в статье 2 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [13].

Так, в соответствии с ним под медицинской помощью понимается комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. А, медицинским работником является физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность.

Учитывая изложенное, считаем излишним и необоснованным предложение А.С. Поповой о необходимости дополнения статьи 124.1. УК РФ примечанием, в котором раскрывалось бы содержание данных терминов [8].

В заключение хотелось бы отметить, что изменения действующего законодательства были направлены, в первую очередь, на обеспечение гарантий своевременного оказания медицинской помощи и защиты жизни и здоровья как пациентов, так и медицинских работников. Надеемся, что это положительно скажется на криминогенной обстановке в данной сфере.

1. Аветисян А.А., Сильченко Е.В. К вопросу об определении меры ответственности за воспрепятствование оказанию неотложной медицинской помощи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5.
2. Врач под ударом / Огонёк. 2018. №37. // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3751320> (дата обращения: 10.10.2019 г.).
3. Законопроект №139439-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» от 03.04.2017 г. // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 15.10.2019 г.).
4. Избивший подмосковного медика уголовник отделался штрафом [Электронный ресурс]: // URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1943262/> (дата обращения: 11.10.2019 г.).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 22.10.2019 г.).
6. Морозов Д.А., Яновский А.С., Коршиков С.С., Селезнев Г.И. Правовые аспекты защиты жизни и здоровья медицинских работников // Медицинское право: теория и практика. 2017. Т. 3. № 2 (6).
7. Нападение на медсестру в воронежской больнице обернулось уголовным делом // [Электронный ресурс]: // URL: <http://bloknot-voronezh.ru/news/napadenie-na-medsestru-v-voronezhskoy-bolnitse-obe-1138508> (дата обращения: 10.10.2019 г.).
8. Попова А.С. Некоторые пробелы в законодательном регулировании защиты жизни и здоровья медицинских работников от противоправных действий пациентов и пути их преодоления // Алтайский юридический вестник. 2019 г. № 1 (25).

9. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=57382>. (дата обращения: 18.10.2019 г.).
10. «Скорая» зовет на помощь / Российская газета. Федеральный выпуск. 2017. № 276(7442) // [Электронный ресурс]: // URL: <https://rg.ru/2017/12/05/za-shest-let-na-vrachej-v-rossii-napadali-1226-gaz.html> (дата обращения: 09.10.2019 г.).
11. Толковый словарь Ожегова и Шведовой [Электронный ресурс]: URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BF%D1%8F%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 20.10.2019 г.).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.10.2019 г.).
13. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 19.10.2019 г.).
14. Федеральный закон от 26.07.2019 № 229-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь» [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330013/#dst100009 (дата обращения: 22.10.2019 г.).

Новиков В.А.

Проблемы применения методик определения максимального значения цены контракта

*Московская академия Следственного комитета РФ
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-20-12-2019-04

idsp: sciencepublic-20-12-2019-04

Требования по повышению прозрачности расходований бюджетных средств, дополнительно регламентирующие и ужесточающие и без того сложные и правила документального сопровождения хозяйственных контрактов бюджетных организаций с контрагентами, необходимо соотносить с дополнительными затратами на обеспечение дополнительных мероприятий, а так же возможное снижение эффективности расходования бюджетных средств в следствии увеличения бюрократических процедур в финансовой деятельности организации.

Основным действующим инструментом государственного регулирования закупок товаров, работ, услуг, государственными и муниципальными организациями является Федеральный закон N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который направлен на обеспечение эффективности, результативности закупок в части, касающейся: 1) планирования закупок; 2) определения поставщиков; 3) заключения гражданско-правового договора государственными организациями; 4) особенностей исполнения контрактов; 5) мониторинга закупок; 6) аудита; 7) контроля за соблюдением законодательства России. Количество принимаемых поправок к данному закону и поясняющих его применение Писем и Разъяснений уполномоченных государственных органов позволяет с уверенностью констатировать, что законодательство в сфере государственных закупок является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей законодательства. При этом необходимо учитывать еще и количество государственных служащих, работа которых в разной степени, но всегда связана с расходование государственных средств, что делает столь частые изменения серьезной экономической проблемой, поскольку отнимают рабочее

время служащих и могут создавать помехи в повышении эффективности государственных расходов.

Введение Федеральным законом от 01.05.2019 N 71-ФЗ в статью 22 «Начальная (максимальная) цена контракта, цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), начальная сумма цен единиц товара, работы, услуги» пунктов 23 и 24 регламентирующих определение максимального значения цены контракта (в случае, если количество поставляемых товаров, объем подлежащих выполнению работ, оказанию услуг невозможно определить) дополняет возможности государственных учреждений по обоснованию НМЦК, однако, вместе с тем порождает ряд вопросов по корректному порядку расчета максимальной цены и оформления результатов этого расчета.

Для оказания помощи заказчикам в определении и обосновании НМЦК были разработаны и утверждены Приказом Министерства экономического развития РФ от 2 октября 2013 г. N 567 «Методические рекомендации по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)», однако, в связи с дополнением статьи 22 дополнения к Методическим рекомендациям сделаны не были. Более того, следует отметить, что в указанных методических рекомендациях в Приложении 2 «Рекомендации по поиску общедоступной ценовой информации, содержащейся в реестре контрактов, заключенных заказчиками» идет описание старого интерфейса Единой информационной системы, что приводит к сложностям с использованием представленных Методических рекомендаций.

Учитывая сказанное можно сделать вывод о необходимости разработки новых рекомендаций, которые бы отвечали современным требованиям законодательства в сфере государственных закупок, а так же указать на необходимость дальнейшей своевременной актуализации указанных рекомендаций.

Необходимо указать, что частью 20.1 статьи 22 Федерального закона №44-ФЗ предусмотрена возможность принятия дополнительных методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе предусматривающие рекомендации по обоснованию и применению иных методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком. Этим правом уже воспользовались некоторые из российских регионов, включая город Москву. Распоряжением Правительства Москвы от 16 мая 2014 г. N 242-РП «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), для обеспечения нужд города Москвы», в числе методов определения НМЦК указаны: 1) анализ рыночной стоимости закупаемых товаров, работ, услуг; 2) составление смет; 3) затратный метод; 4) нормативный метод; 5) тарифный метод; 6) анализ стоимости аналогов с последующей корректировкой; 7) метод удельных показателей; 8) параметрический метод; 9) метод анализа цен, содержащихся в реестре контрактов, заключенных по итогам осуществления закупок; 10) иные методы, предусмотренные законодательством.

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ.

2. Приказ Минэкономразвития России от 02.10.2013 N 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)».
3. Новиков В.А. Проблемы применимости методов обоснования начальной (максимальной) цены контракта // ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО - БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 243-246.
4. Саркисян А.Ж. Преступления коррупционной направленности в Российской Федерации // Противодействие преступлениям коррупционной направленности: материалы междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 27 октября 2016г.) под общ. ред. А.И. Бастрыкина – М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016.С. 170.
5. Сиделев В.В. Значение планирования производства предварительного следствия на последующем этапе // Журнал «Российский следователь». №3. 2019. С. 22-25.

Уханов А.Д.

Динамическое измерение правовой ментальности: механизмы трансляции и изменения

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(Россия, Владивосток)*

doi:10.18411/spc-20-12-2019-05

idsp: sciencepublic-20-12-2019-05

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034
(а1)*

Исследования социокультурных, ментальных, архетипических и прочих метаюридических оснований права являются достаточно новыми в отечественной юридической науке и редко находят поддержку в кругах позитивистски настроенных теоретиков права. Подобные исследования, вписываясь в тенденцию обновления теоретико-методологического арсенала юридической науки, в качестве основной цели видят установления связи права и государства с национальной культурой (социокультурной средой, правоментальным пространством и т.д.), а также социальным бытием и мировоззренческими представлениями, характерными для относительно гомогенных групп, в качестве которых рассматривают нации или народы.

В настоящий момент можно заключить, что именно теория правовой ментальности является наиболее проработанным в методологическом, понятийно-категориальном, историческом и проч. аспектах направлением, фиксирующим национально-культурную обусловленность права и государства, а также тесно связанных с ними явлений. Представителями этого направления даётся следующее, весьма обстоятельное и многоаспектное определение правовой ментальности: «совокупность (система) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т.п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (юридических и политических институтов, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных и профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц» [1, с. 64].

Из этого определения весьма четко видно, что правовой менталитете понимается как сложное, многосоставное (системным) явление, структурно распадающееся на политико-правовую парадигму (правовые архетипы и представления), стиль правового мышления (устойчивые, привычные образы и формы, проявляющиеся в когнитивных установках) и тип предправового поведения (некодифицированные, но действующие готовности, запреты, ожидания, нормы). Весьма важно, что в этом свете правовая ментальность понимается указанные элементы холистически в качестве единого целого (а не рудекционистки), где каждый элемент отражает всю совокупность связей и

указывает как на целое, так и иные составляющие, и является чем-то самостоятельным лишь аналитически.

Вместе с тем, как можно заметить, всё что было сказано ранее относится к статическому измерению правовой ментальности. Однако, представляется важным от статики перейти проблеме динамики ментальности. Под динамикой ментальности следует понимать три взаимосвязанные проблемы: во-первых, трансляцию (перенос, распространение) правоментальных кодов, установок, представлений от одного поколения к другому, а также между носителями различных ментальностей (с последующими конвергенциями, конфликтами, образованием новой ментальности, поглощением и т.д.), во-вторых, процесс изменения ментальности во времени в связи с различными факторами (включая характер и обстоятельства трансляции ментальности или же ситуацию столкновения правоментальных кодов различных народов). И, в-третьих, механизмы поддержания постоянства содержания ментальности (стандартизирующие институты).

Эти вопросы не являются решенными и ещё только требуют внимания историков, юристов, философов, культурологов и психологов. Тем не менее, в весьма общих чертах по каждому пункту можно обозначить следующее.

Во-первых, определяющую роль в трансляции правоментальных кодов и установок (правокультурного опыта нации) на микроуровне обыденные речевые и поведенческие практики в семье, образовательных коллективах и т.д., а на макроуровне более сложные институты, вроде, устройства правопорядка. В связи с этим обнаруживается определённая двойственность, согласно которой сами трансляционные механизмы являются порожденными правовой ментальностью, а с другой выступают в качестве фактора относительно самостоятельного в отношении к ней. Сказанное не означает возможность изменений правоментальных кодов.

Во-вторых, правоментальные установки подтверждены изменениям, которые в наиболее четкой форме кристаллизуются а) при заимствовании правовых институтов из иной правоментальной среды или же проведении реформаторских (модернизационных) мероприятий, а также б) при революционных потрясениях, охватывающих различные сферы жизнедеятельности сообщества. Вместе с тем, здесь тоже обнаруживается указанная ранее двойственность, согласно которой правовая ментальность выступает не только предметом трансформации, но и во многом определяет её, задавая некоторый вектор изменений, согласующийся типическими доминантами, выступая в качестве смыслопорождающей матрицы интеракции происходящих изменений [2, с. 88-89]. Поэтому моменты «кардинальных сдвигов» для исследователей являются наиболее информативными, поскольку именно в этих точках устойчивое, правоментальное ядро проявляется себя наиболее четко. Более того, сравнив как минимум два состояния (до изменений и после), также можно обнаружить определённые закономерности.

И, в-третьих, среди механизмов поддержания и стандартизации правовой ментальности необходимо выделить преобладающий (национальный) язык, национальное образование, существующие политическую и правовую системы, средства массовой информации, науку и искусство, а также национальный рынок [1, с. 42].

Таким образом, следует подытожить, что динамическое измерение правовой ментальности является весьма важным и эвристически полезным не только для всей теории правовой ментальности, но и в целом для социокультурного направления правопознания.

1. Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. – Ростов н/Д., 2007. – 448 с.
2. Овчинников А.И. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики российского государства: монография / А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, Д.И. Мамычева, А. В. Манастырный, М. Е. Тюрин, А. В. Юшко. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 290 с.

Rustambekov I.

Opportunities for investment in free economic zones of the republic of Uzbekistan

*Tashkent State University of Law
(Uzbekistan, Tashkent)*

doi:10.18411/spc-20-12-2019-06

idsp: sciencepublic-20-12-2019-06

In recent years, the increase of the tendency on creation of free economic zones, further development of external trade and investment relations in free economic zones, massive flow of direct investments and the establishment of hi-tech with new energy, as well as the increase in rate of competitive and export-based commodities cause necessity of the development and legal regulation on entrepreneurial activity in those areas. Nowadays, more than 4,300 free economic zones are being operated worldwide.

According to the Strategy of Actions on Further Development of the Republic of Uzbekistan on five priority areas in 2017-2021 the Republic of Uzbekistan began actively develop its national economy. As a result economic development has shifted to a drastically new level, which provides for improvement of wellbeing and quality of life of the population.

In last two years in Uzbekistan was created more than 15 free economic zones and more than 50 small industrial zones. Creation of free economic zones, industrial parks, small industrial zones is seen as the main factor for direct attraction of foreign investment, creation of new high-tech production, and effective use of natural and economic capacity of the regions.

At the moment the President of the Republic of Uzbekistan commissioned to develop a complex of measures to create more favorable opportunities for investors and entrepreneurs in free economic and small industrial zones, first of all, the revision of the normative-legal basis regarding the development of the activities of these zones, bringing it into line with modern requirements, creating an open and understandable mechanism for all.

As it was mentioned, there are more than 15 free economic zones operating in the country. In the free economic zone “Navoi”, “Angren”, “Jizzakh”, “Urgut”, “Gijduvan”, “Kokand” and “Hazorasp” 62 projects total worth of 486 million USD were utilized, more than 4.6 thousand workplaces were created.

Also, active work to develop new free economic zones specialized in pharmaceuticals: “Nukus-pharm”, “Zomin-pharm”, “Kosonsoy-pharm”, “Sirdaryo-pharm”, “Boysun-pharm”, “Bustonlik-pharm” and “Parkent-pharm”, on tourism “Charvaq”, and also free economic zone “Sirdaryo” is being carried out.

The number of small industrial zones in Uzbekistan has reached 100. By now, 1021 projects in total worth 535 billion sums (national currency) have been implemented in these territories. As a result of the involvement of new enterprises, more than 9.6 thousand workplaces were created.

The legal base of functioning of free economic zones in Uzbekistan is the Law of the Republic of Uzbekistan “On free economic zones”. Also several Decrees of the President were adopted in this sphere. For example, Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. DP-4853 of October 26, 2016 “On additional measures of activating and expanding activities of free economic zones” has very strategic influence in development of free economic zones in the country.

This Decree establishes the most favorable conditions for further development of free economic zones in the republic as the most important factor for expanding attraction of foreign direct investment for creation of new high-tech industries. Also there were established special legal regime including tax, currency and customs regimes, simplified procedure for entry, staying and departure as well as obtaining the permission to carry out labor activity by non-residents of the Republic of Uzbekistan.

In other words the business entities registered in the free economic zone are exempted from all types of taxes including land tax, profit tax, corporate property tax, single tax payment for micro-firms and small enterprises, as well as mandatory contributions to the Republican Road Fund and the non-budgetary Fund for the development of the material and technical base of educational and medical institutions under the Ministry of Finance of the Republic of Uzbekistan; customs fees (except for fees for customs clearance) for equipment, raw materials, materials and components, that are imported for their own production needs; customs fees (except for fees for customs clearance) for construction materials not produced in the country and imported in the framework of projects, according to the lists approved by the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan.

These benefits are granted for a period of 3 to 10 years, depending on the volume of investments, including the equivalent:

from 300 thousand US dollars to 3 million US dollars - for a period of 3 years;

from 3 million US dollars to 5 million US dollars - for a period of 5 years;

from 5 million US dollars to 10 million US dollars - for a period of 7 years;

from 10 million US dollars and above - for a period of 10 years, with the application for the next 5 years of the income tax rate and a single tax payment of 50 percent below the current rates.

To ensure the advanced development of transport, production and engineering and communication systems of free economic zones and provide the developing enterprises that operate in the territory of free economic zones with the necessary infrastructure, the Government has adopted special development programs. The Program foresees realization of infrastructure development measures including the following:

- power supply;
- gas supply;
- water supply and waste drainage;
- railway infrastructure;
- highway infrastructure.

The main activities of the companies operating in the territory of free economic zones should be production of a wide range of high-tech products with high added value that are competitive in both domestic and world markets. This is expected to be achieved through efficient use of production and resources of the region comprising the free economic zone.

Establishment of free economic zones are aimed at creating a favorable environment for setting up and developing enterprises in the field of advanced processing of raw mineral resources; production of high-tech products based on local raw materials by establishing strong cooperation ties and developing industrial cooperation between enterprises within the free economic zone and the republic as a whole.

In accordance with the concept of the free economic zones and the priorities chosen, the enterprises of the following industries shall be located in the territory of the free economic zones of the Republic of Uzbekistan.

- electrical engineering,
- mechanical engineering
- chemicals and petrochemicals,
- pharmaceuticals,
- food processing and deep processing of fruits and vegetables,
- production of modern construction materials,
- leather industry, etc.

In order to start business in the free economic zones the investor should pass the selection procedure of investment projects. In accordance with the Regulations of selecting the investment projects for placement on the territory of free economic zones and registration of participants in free economic zones approved by the Cabinet of Ministers of the Republic

of Uzbekistan on January 16, 2018 No. 29, the investor submits the following documents to the Directorate:

1. An investment application for the placement of production in the territory of FEZ
2. Information on the availability of state registration of a legal entity (investor) or other document confirming the activities of this investor;
3. Business plan of the proposed investment project;
4. Information confirming the existence of the investor's experience in the relevant sphere and/or the implementation of similar investment projects (if any). In case of absence of experience in the relevant field and/or in the implementation of similar investment projects, the investor submits to the Directorate information about the technological partners involved in the project.
5. Information on the financial and economic activities of the investor for the past three years. If at the time of filing an investment application, the investor:
 - is performing activities from 1 to 3 years, the investor submits to the Directorate information on financial and economic activities for the actual time of their activities;
 - has not performed financial and economic activities or has performed it for less than a year, the investor submits to the Directorate information on the financial and economic activities of at least one founder of the current investment project.
 - all documents must be submitted by the investor to the Directorate of the FEZ with an attached certified translation into the state or Russian language. The investor is responsible for the accuracy of the information and documents submitted.

In the conclusion it should be noted that free economic zones in Uzbekistan are becoming one of the main factors contributing to the development of the economy of the country. Therefore the Government pays special attention to take measures on wide development of the activity of free economic zones.

Научное издание

Научный диалог: Юриспруденция

Сборник научных трудов по материалам
XX международной научно-практической конференции
20 декабря 2019 г.

SPLN 001-000001-0560-JP

Подписано в печать 23.12.2019. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.1,38
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович